

- [Честертон Гилберт Кийт](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Честертон Гилберт Кийт

Рубиновый свет

Гилберт Кийт Честертон
Рубиновый свет

Габриел Гейл писал стихи и картины, но никогда даже не думал стать хотя бы частным сыщиком. Правда, ему довелось раскрыть несколько тайн, но они скорее привлекли бы не сыщика, а тайновидца. Раза два он вынырнул из мглы тайновидения в бодрящую атмосферу преступлений. Ему удалось доказать, что убийство было самоубийством, а самоубийство убийством, и даже вникнуть в такие мелочи, как воровство и подлог. Но касался он всего этого по чистой случайности; его увлекали человеческие странности и безумства, и, следуя за ними, он вступал порой на землю беззакония. Бывало это нечасто, ибо, как он утверждал, мотивы убийц и воров совершенно здравы и даже подчинены условностям.

- Я не гожусь для таких разумных дел, - говаривал он. Полицейские сразу увидят, как мало я смыслю в тех вещах, о которых вечно толкуют авторы детективов. Стоит ли мне измерять следы чьих-то ног? Я ничего из них не выведу. Вот если вы покажете мне следы рук, я догадаюсь, почему человек встал на руки. Я ведь сам - из сумасшедших и часто хожу на руках.

Вероятно, братство в безумии и связало его с тайной исчезновения Финеаса Солта. Прославленный поэт был из тех, чья частная жизнь интересна всем и каждому, как жизнь Д'Аннунцио или Байрона. Он был человек замечательный, то есть очень заметный, а не очень достойный. Многие в нем по праву вызывало восхищение, а многое вызывало восхищение без права. Критики-пессимисты считали его великим пессимистом и ссылались на это, доказывая, что он покончил с собой. Критики-оптимисты упорно считали его истинным оптимистом (вероятно, они знали, что это такое) и потому склонялись к утешительной гипотезе убийства. Жизнь его была столь необычной, что никто во всей Европе не смел помыслить о том, как он падает в колодезь или тонет в море, потому что ему свело судорогой ногу. Семьи у него не было, остался только брат, державший лавочку в каком-то захолустье, но они почти не общались. Однако со многими людьми он был связан духовно или материально. Остался издатель, чью печаль несколько смягчали мысли о рекламе и о том, что прославленный поэт не принесет новых стихов. Издатель этот, сэр

Уолтер Драммонд, и сам был человеком известным в нынешнем смысле слова и принадлежал к той разновидности преуспевающих шотландцев, которые опровергают популярное мнение о внутреннем сродстве приветливости и деловитости. Остался антрепренер, как раз готовивший к постановке трагедию об Александре и персах, талантливый и покладистый человек по имени Изидор Маркс, размышлявший о том, хорошо или плохо, когда некому ответить на крики "Автора!". Осталась ослепительная и склочная примадонна, уповавшая на успех в роли персидской царевны; как говорится, имена их связывали, хотя вообще его имя связывали со множеством имен. Остались друзья- писатели, среди которых было несколько писателей и один-два друга. Но жизнь его так походила на сенсационную пьесу, что все удивились теперь, как мало известно о ней и о нем. А без ключа исчезновение Солта оставалось таким же мятежным и загадочным, каким бывало прежде его присутствие.

Габриел Гейл вращался в тех же кругах и достаточно хорошо знал эту сторону жизни прославленного поэта. Он тоже печатался у сэра Уолтера Драммонда. Ему тоже заказывал пьесы в стихах Изидор Маркс. Он ухитрился не связать свое имя с именем Херты Хетауэй, но был с ней знаком, как знакомы все в литературном и театральном мире. Он был вхож в блестящие внешние круги финансовой жизни, хотя не придавал тому значения; и беззлобно посмеялся, войдя в ее сокровенный и неприметный центр. Позвали его не потому, что и он был поэтом, а по чистой случайности: друг его, доктор Гарт, лечил при жизни Финеаса Солта. Когда Гейл пришел на семейный совет, он поневоле улыбнулся, увидев, как тут все по- домашнему, как далеко от сенсационных сплетен, бушевавших за стенами. Он напомнил себе, что частные дела и должны быть частными, и глупо думать, что у мятежного поэта - мятежный поверенный и врач. Доктор Гарт в своем обычном черном костюме был беспредельно домашним; поверенный, седой и широколобый мистер Гантер, дышал незатейливой простотой, и не верилось, что в его аккуратных папках скрываются безумства Финеаса Солта. Джозеф Солт, брат исчезнувшего, специально приехал из провинции и выглядел совершеннейшим провинциалом. Трудно было поверить, что молчаливый, неуклюжий, рыжеволосый и растерянный торговец в немодном костюме - единственный наследник такого имени. Был тут и секретарь, чья прискорбная прозаичность никак не вязалась с чудачествами его хозяина. Гейл снова напомнил себе, что даже поэты могут сходить с ума только в том случае, если окружающие их люди останутся нормальными. Он подумал не без удивления, что у Байрона был дворецкий, наверное, очень хороший, а

Шелли лечил зубы у самого обыкновенного зубного врача.

Сам он чувствовал себя не совсем на месте. Он знал, что не годится для деловых советов и не умеет улаживать дела с секретарем или поверенным. Гарт пригласил его, и он терпеливо слушал, глядя на Гарта, как Гантер разъясняет собравшимся общее положение дел.

- Мистер Хэтт сообщил нам, - сказал поверенный, бросив быстрый взгляд на секретаря, - что он в последний раз видел мистера Солта на его квартире в пятницу, через два часа после обеда. Еще сегодня я считал, что их короткая встреча была последней, о которой нам что-нибудь известно. Но часа полтора тому назад мне позвонил незнакомый человек и сообщил, что он провел с мистером Солтом шесть или семь последних часов. Сейчас он явится сюда в контору и все нам изложит.

- Кажется, он уже явился, - сказал доктор Гарт. - Я слышу чей-то голос внизу, а вот чьи-то ноги ступают по крутой лестнице закона.

Тут в контору скользнул, а не вошел высокий человек. Ему было лет под сорок. Его скромный серый костюм порядком изнашивался, но сохранил последний отблеск элегантности; волосы у него были длинные, темные, расчесанные на прямой пробор, а длинное темное лицо обрамляла борода, тоже расчесанная на две стороны. Он положил на стул черную шляпу с очень широкими полями и очень низкой тульей, наводившую на мысль о ночных кафе и разноцветных огнях Парижа.

- Я - Флоренс, - изысканно и четко выговорил он, - старый друг Финеаса Солта. В молодости мы много путешествовали по Европе. Смеею предположить, нет - уверен, что сопровождал его в последнее путешествие.

- Последнее, - повторил Гантер, с холодным вниманием глядя на него. - Вы хотите сказать, что мистер Солт умер, или хотите нас поразить?

- Если он не умер, - отвечал Флоренс, - с ним случилось что-то еще более поразительное.

- Что вы имеете в виду? - резко спросил законник. - Что поразительней смерти?

- Сам не знаю, - просто сказал пришелец. - Все думаю и никак не пойму.

Гантер помолчал.

- Что ж, - сказал он наконец, - рассказывайте. Вы знаете, что я - поверенный мистера Солта, а это его брат, мистер Джозеф Солт, и доктор Гарт, его врач, и мистер Гейл.

Незнакомец поклонился всем сразу и доверчиво уселся в кресло.

- Я пришел к Солту в пятницу, - начал он, - часам к пяти. Когда я входил, секретарь собирался домой. - Он взглянул на мистера Хэтта, с

американской сдержанностью скрывавшего имя Хирам, но не сумевшего скрыть ни очков, ни длинного подбородка, а мистер Хэтт непроницаемо взглянул на него и ничего не сказал. - Финеас был очень взволнован и сердит больше, чем всегда. По-видимому, кто-то буянил у него, статуэтка валялась на полу, ваза с ирисами была перевернута. Сам он шагал по комнате, как лев в клетке. Рыжая грива развевалась, борода пылала, словно костер. Я подумал, что он - в экстазе вдохновения, но он сказал мне, что это от общения с дамой. Мисс Херта Хетауэй только что ушла от него.

- Простите! - прервал его поверенный. - Мистер Хэтт тоже только что ушел. Вы ничего не сказали нам о гостье, мистер Хэтт.

- Такое у меня правило, - отвечал непробиваемый Хэтт. Вы меня о ней не спрашивали. Я свое дело сделал и ушел домой.

- Однако это очень важно, - медленно проговорил Гантер. - Если Солт с актрисой швыряли друг в друга статуями и вазами, мы вправе предполагать, что у них дошло до размолвки.

- У них дошло до разрыва, - честно сказал Флоренс. - Он признался мне, что с него хватит - и ее, и всего остального. Сердился он сильно; кажется, он выпил, но и при мне извлек пыльную бутылку абсента и предложил выпить за старые парижские дни, потому что это последний раз... или последний день... точно не помню. Сам я давно не видел абсента, но достаточно знаю это зелье, чтобы понять, как много Финеас пил. Абсент - не вино и не бренди, от него пьянеешь иначе, вроде бы сходишь с ума, хотя голова ясная. Больше похоже на гашиш, чем на выпивку. Когда Финеас выскочил из дому и кинулся к своей машине, мозг его полыхал этим зеленым огнем. Вел он машину хорошо, ровно, - от абсента в голове светлеет, - но ехал все быстрее по Олд Кент-роуд, на юго-восток. Признаюсь, не так уж приятно мчаться по сельским дорогам, когда темнеет. Несколько раз мы чуть не разбились, но я не думаю, что он искал смерти, во всяком случае, он не хотел просто разбиться в машине. Он кричал, что ему нужны высоты земные, скалы, и бездны, и башни. Что он готов взлететь как орел или упасть как камень. Все это было особенно странно и смешно, потому что ехали мы по самым плоским местам. И вдруг, через несколько часов, он вскрикнул иначе; а я увидел в последнем луче над плоской землей башни Кентерберийского собора.

- Интересно, - сказал Габриел Гейл, словно вдруг проснулся, - как они свалили статуэтку?.. Конечно, это дама ее бросила, если ее бросили вообще. Он бы и пьяный так не сделал.

Гейл обернулся и без особого смысла посмотрел на секретаря, но не добавил ничего. А мужчина по имени Флоренс, нетерпеливо помолчав,

продолжил свой рассказ.

- Я знал, что готические башни собора сольются с бредовым видением, завершат его, увенчают. Не могу сказать, нарочно ли Финеас избрал эту дорогу, но ничто на свете не подошло бы настолько к его словам о высоте и крутизне. Он снова ухватился за свою безумную притчу и стал говорить о том, что хорошо бы пуститься вскачь на химере, как на адском коне, или затеять охоту с бесами вместо гончих. К собору мы подъехали очень поздно. Он стоит в самом городе, глубоко, но случилось так, что все дома рядом с ним были темны и тихи. Мы с Финеасом вышли из машины и подошли к тому месту, где стены сходятся углом. Уже вошла луна, и свет ее окружил голову Солта тускло-красным сиянием. Я помню очень хорошо это грешное сияние, потому что Финеас без устали воспевал лунный свет и говорил о том, что при луне витражи лучше, чем при солнце. Он упорно хотел проникнуть внутрь, посмотреть на витражи, и клялся, что они - единственное, что дала нам вера. Когда же он понял, что собор заперт (чего и ждать в такое позднее время?), он страшно разозлился и стал ругать настоятеля, и священников, и весь причт. Вдруг в уме его мелькнуло школьное воспоминание. Он схватил камень и стал колотить им в дверь, как молотом, громко крича: "Где изменник? Где изменник? Мы пришли убить архиепископа!" Тут он засмеялся и сказал: "Кто захочет убить доктора Рокуолла Дэвидсона!.. А Фому Бекета стоило убивать. Он воистину жил! Он сумел прожить двойную жизнь - не воровато, как ханжи, а полностью, открыто, до конца. Он облачался в золото и пурпур, стяжал лавры, сражал великих воинов, а потом стал святым, раздал все бедным, постился, принял мученическую смерть. Вот как надо жить! Вот что такое двойная жизнь! Не удивляюсь, что на его могиле творятся чудеса". Финеас отшвырнул камень, лицо его стало печальным и серьезным, словно каменные лица готической резьбы, и он произнес: "Сегодня и я совершу чудо". А потом добавил: "После того, как умру".

Я спросил его, что это значит. Он не ответил. Он вдруг заговорил приветливо, мирно, даже ласково - благодарил меня за дружбу, прощался и сказал почему-то, что его время пришло. Я спросил его, куда он собрался. Он показал пальцем вверх, и я не понял, имеет он в виду небо или башню. На башню взобраться можно только изнутри. Я не мог представить, как же он проникнет в собор, спросил об этом, и он ответил: "Ничего, я поднимусь... вознесусь... но на моей могиле чудес не будет, тела моего не найдут".

Я и двинуться не успел, как он подпрыгнул и повис на арке; потом сел на нее; потом встал и - скрылся во мраке. Снова услышал я откуда-то

сверху: "Вознесусь!..", и все затихло. Не знаю, вознесся ли он. Знаю одно: он не спустился.

- Вы хотите сказать, - серьезно вымолвил Гантер, - что с тех пор его не видели?

- Я хочу сказать, - так же серьезно ответил Флоренс, что, наверное, никто на свете не видел его с тех пор.

- Вы спрашивали местных жителей? - спросил юрист.

Мужчина по имени Флоренс растерянно засмеялся.

- Спрашивал, - сказал он, - стучал в дома, был и в полиции. Никто мне не верил. Все говорили, что я напился. В сущности, так оно и было, но им казалось, что у меня просто двоится в глазах и я гоняюсь за призраком. Теперь они знают, что я был прав, в газетах прочитали. А тогда, ничего не добившись, я уехал последним поездом в Лондон.

- А как же машина? - спросил Гарт.

Флоренс удивился.

- Ах ты, господи! - воскликнул он. - Я про нее и забыл. Она стояла у самого собора, между двумя домами. Так и забыл, ничего не помнил до самой этой минуты.

Гантер встал, ушел в соседнюю комнату и кому-то позвонил. Когда он вернулся, Флоренс растерянно держал в руке черную шляпу и говорил, что ему пора, он ведь все сказал, что знает. Юрист с любопытством смотрел ему вслед, как бы сомневаясь в его последней фразе. Потом он обернулся к остальным и сказал:

- Занятный человек... Да, очень занятный... И еще об одном занятом предмете я хочу потолковать. - Он как будто впервые заметил добропорядочного Джозефа Солта. - Не знаете ли вы, мистер Солт, какие именно средства были у вашего брата?

- Нет, - лаконично ответил провинциальный лавочник. - Вы понимаете, господа, что здесь я ради чести семьи. Мы с братом не были тесно связаны. А эти газетные сплетни мне сильно вредят. Конечно, красиво, когда поэт пьет зеленый огонь и летает с башен, но не очень-то хочется покупать провизию у его родственника. Я только что открыл лавочку в Кройдоне. Кроме того, - он опустил глаза, и сельское смущение ничуть не убавило в нем мужественности, - я собираюсь жениться, а избранница моя очень набожна.

Гарт улыбнулся; слишком уж разными были братья.

- Понимаю, - сказал он. - А публика - что ж, как ей не взволноваться!..

- Я хотел бы спросить, - вмешался юрист, - какие доходы были у вашего брата? Был ли у него капитал?

Джозеф Солт подумал.

- Как вам сказать... - проговорил он. - Наверное, были деньги, которые нам отец оставил, по пяти тысяч ему и мне. Жил он широко, денег не считал. Иногда он получал очень много за книгу или за пьесу, но и тратил он много. Думаю, у него осталось в банке тысячи две-три.

- Совершенно точно, - серьезно сказал юрист. - Ко дню исчезновения на его счете числилось две с половиной тысячи. В тот день он их взял. Они исчезли вместе с ним.

- Вы думаете, что он уехал за границу? - спросил брат поэта.

- Вполне возможно, - отвечал юрист. - Возможно также, что он собрался и не уехал.

- Почему же тогда исчезли деньги? - удивился врач.

- Они могли исчезнуть, - сказал юрист, - когда нетрезвый Финеас порол чепуху богемному субъекту, одаренному немалым талантом рассказчика.

Гарт и Гейл взглянули на него, каждый по-своему, и оба заметили, что лицо его слишком сурово, чтобы казаться циничным.

- А! - воскликнул врач и осекся, словно у него перехватило дыхание. - По-вашему, это не только кража...

- Я не вправе говорить с уверенностью и о краже, - все так же сурово сказал юрист, - но вправе подозревать, и подозрения мои печальны. Начнем с того, что начало рассказа подтверждается, а конец - нет. Мистер Флоренс сообщил, что видел мистера Хэтта; вероятно, и мистер Хэтт видел мистера Флоренса.

Мистер Хэтт не возразил, что можно было принять за согласие.

- Но никто не видел, - продолжал юрист, - безумств на дорогах Кента. Посмею предположить, что кончились они не в храме, а в притоне. Сейчас я звонил и спрашивал, не обнаружена ли машина в Кентербери, и ответили мне отрицательно. К тому же этот Флоренс вообще о ней забыл и, сам себе противореча, сказал, что вернулся поездом. Это одно уничтожает весь рассказ.

- Неужели? - спросил Гейл с детским удивлением. - А мне казалось, это одно его подтверждает.

- То есть как? - не понял Гантер. - Подтверждает?

- Да, - сказал Гейл. - Деталь такая правдивая, что всему поверишь, даже если бы он описывал, как Финеас улетел с башни на каменном драконе.

Он помолчал, помолчал и довольно пылко добавил:

- Как вы не поймете? Именно так и должен ошибиться такой человек.

У него нет денег, он ездит только поездом, для него машина - сказочный дракон. Финеас втащил его в безумный, подобный сновидению мир, а проснувшись, он увидел, что друг вознесся на небо, все же прочие уверены, что это ему померещилось. Когда он, сам себя не помня, говорил с высокомерным полицейским, он забыл про машину, словно это колесница, запряженная грифонами. Она осталась там, во сне. По привычке, как всегда, он взял билет третьего класса. Но если бы он историю выдумал, он бы не допустил такой несообразности. Как только я это услышал, я понял: все правда.

Врач и юрист удивленно смотрели на Гейла, пока в соседней комнате не зазвонил телефон. Гантер кинулся туда, и несколько минут доносился только неясный гул вопросов и ответов. Потом он вернулся; на его строгом лице застыла растерянность.

- Поразительное совпадение, - сказал он. - Вынужден признать, что вы правы. Следы машины нашли. Она стояла именно там, где он сказал. Что еще удивительнее - она исчезла. Следы ее ведут на юго-восток. Можно предположить, что правил ею Финеас Солт.

- На юго-восток!.. - воскликнул Гейл и вскочил. - Так я и думал.

Он прошелся по комнате, потом сказал:

- Спешить не надо. Рассудим обстоятельно. И дурак поймет, что Финеас поехал на восток: светало, он повел машину прямо в рассвет. Что ж тут еще сделаешь? Но земля там к востоку - плоская, все равнины, а он стремился к пропастям и высотам. Значит, он держал путь к югу, к меловым скалам. Кроме того, я думаю, он хотел взглянуть с высоты на людей, а с кентерберийских башен ему взглянуть не удалось. Ту дорогу я знаю...

Он серьезно оглядел всех и сказал так, словно поверял священную тайну:

- Она ведет в Маргейт.

- Ну и что? - спросил Гарт.

- По-видимому, новый вид самоубийства, - сухо заметил Гантер. - Что такому человеку делать в Маргейте, если он не решил умереть?

Что там вообще делать, если ты хочешь жить? - сказал Гарт.

- Миллионы образов Божиих, - сказал Гейл, - ищут там радости. Странно другое: почему среди них был Финеас Солт. Конечно, если смотришь с белых утесов, эти толпы кишат, как муравьи... наверное, пессимисту легче презирать их... Быть может, он видит в страшном видении, как их заливают древнее, темное море... или хочет прославить бедный Маргейт, окрасить его имя в цвета высокой трагедии. У таких

людей бывают такие грезы. Но, как бы то ни было, поехал он в Маргейт.

Пристойный кройдонский лавочник встал вслед за Гейлом, и в замешательстве теребил лацкан старомодного пиджака.

- Вы уж простите, - сказал он наконец, - это все не по мне. Химеры, драконы, пессимисты... Не мое это дело. В общем, ясно, что поехал он в Маргейт. Если спросите меня, я скажу, что надо нам поговорить, когда полиция больше разузнает.

- Мистер Солт совершенно прав, - добродушно согласился юрист. - Вот что значит деловой человек! Сразу вернул к сути дела. Я приглашу вас, господа, когда узнаю что-нибудь еще.

Если Габриелу Гейлу было не по себе среди кожаных кресел и толстых папок суровой деловой конторы, еще меньше, казалось бы, подойдет ему пригородная лавка. Обиталище последнего представителя Солтов было в высшей степени пригородным. В лавке продавались, главным образом, сласти. Перед окном на маленьких столиках стояли безвреднейшие напитки, в основном - светло-зеленый лимонад, а в самой витрине узором были разложены леденцы. Стекло занимало почти всю стену, и в комнату лился холодный свет.

Но трудно было предсказать, что именно заинтересует Гейла. По какой-то ему известной причине он больше интересовался лавкой, чем делом, ради которого пришел. Как зачарованный глядел он на фарфоровых собачек, а раньше, когда он проходил через лавку, его с трудом оттащили от окна, в котором сверкали малиновые и лимонные леденцы. Посмотрел он и на лимонад, словно тот был так же важен для дела, как бледно-зеленый полынный напиток, сыгравший немалую роль в трагедии Финеаса Солта.

Гейл с утра был необычно весел - то ли его радовала погода, то ли у него нашлись другие, свои причины. По улицам лондонского пригорода он шел быстро и бодро и увидел по пути, как праведный лавочник выходит из домика, где жили, несомненно, люди, стоящие чуть выше его на общественной лестнице. Его проводила до калитки серьезная и добрая девушка в венце каштановых кос. Гейл догадался, что именно она отличается набожностью, и посмотрел на светлые квадраты травы и тоненькие деревья с таким умилением, словно сам был влюблен. Не утратил он веселости и тогда, когда, миновав несколько фонарных столбов, увидел резкие черты и ехидную улыбку Хирама Хэтта. Влюбленный, как ему и положено, задержался у калитки, а Гейл и Хэтт, не дожидаясь его, пошли к его дому.

- Вы понимаете, - спросил поэт, - тех, кто мечтает о любви Клеопатры? Хэтт отвечал, что американцы не склонны так сильно опаздывать.

- Что вы! -сказал Гейл. -Теперь полно Клеопатр. И мужчин полно, которым почему- то хочется стать сотым самцом египетской кошки. Нет, что делать такому человеку, как он, с женщиной вроде Херты Хетауэй?

- Тут я с вами согласен, - кивнул Хэтт. - Я про нее не говорил, это дело не мое, но вам скажу, что она - суцая ведьма. А ваш адвокат решил, что я с ней в сговоре! Не иначе как подозревает нас обоих.

Гейл твердо посмотрел на его твердое лицо и спросил неизвестно почему:

- Вы бы удивились, если бы Солт поехал в Маргейт?

- Нет, - ответил секретарь. - Я ничему уже не удивляюсь. Его носило повсюду. Он совсем не работал последнее время. Сидит, бывало, и смотрит на белый лист бумаги, как будто у него нет ни одной мысли.

- Или как будто у него их слишком много, - сказал Габриел Гейл.

Они вошли в лавку и обнаружили там только что прибывшего Гарта. Сзади, в гостиной, они увидели Гантера, такого мрачного, словно он приехал на похороны. Сидел он строго и прямо, не снял цилиндра и был так напряжен, как будто вот-вот пустит смертоносную стрелу.

- Где Джозеф Солт? - спросил юрист. - Он обещал быть к одиннадцати.

- Он прощается, - сказал поэт. - Это дело долгое.

- Начнем без него, - сказал юрист. - Быть может, оно и лучше.

- У вас для него плохие новости? - тихо спросил врач. Последние новости о его брате?

- Именно, что последние, - сухо ответил юрист. - Мистер Гейл, очень бы вас попросил, оставьте в покое эти безделушки. Кое-кому предстоит многое объяснить...

- Да, - быстро согласился Гейл. - Не это ли надо ему объяснить?

Он взял с камина и поставил на стол экспонат, не совсем уместный в мрачном музее преступления: дешевую детскую розовую кружку с малиновой надписью: "Привет из Маргейта".

- Внутри написано число, - сказал он, отрешенно глядя в ее глубины. - Год нынешний. И месяц тоже.

- Что ж, и это относится к делу, - сказал юрист. - Но у меня есть и другие подарки из Маргейта.

Он вынул из нагрудного кармана какие-то листки и положил их на стол.

- Начнем с того, - сказал он, - что загадка не решена, человек исчез. Не думайте, что легко пропасть в современной толпе. Полиция проследила путь машины и выследила бы Солта, если бы он из машины вышел. Не так просто ехать по сельским дорогам, выбрасывая трупы из машины. Всегда

найдется народ, который такой пустяк заметит. Что бы ты ни сделал, это узнают; и мы узнали, что он сделал.

Гейл поставил кружку и посмотрел на Гантера все еще удивленно, но и радостно.

- Правда знаете? - спросил он. - Правда разгадали тайну рубинового света?

- Нет, простите! - возмутился врач. - На тайну я согласен, но в мелодрамах не участвую. Мы что, гоняемся за королевским рубином? Только не говорите, что он - в глазу бога Вишну!

- Нет, - ответил Гейл. - Он в глазу того, кто его обрел.

- Вы о чем? - спросил Гантер. - Не понимаю, что вы имеете в виду, но не исключаю и кражи. Однако дело намного серьезнее.

Он вынул из пачки листков две-три фотографии, похожие на моментальные пляжные снимки.

- Мы нашли свидетеля в Маргейте, - сказал он. - Пляжный фотограф показал, что видел рыжебородого человека на скале, над толпой. Потом человек этот спустился по выбитым в скале ступенькам, прошел сквозь толпу и заговорил с каким-то неприметным субъектом, похожим на клерка, проводящего у моря свой короткий отпуск. Они беседовали несколько минут, после чего направились к кабинам, вероятно, решили выкупаться. Фотограф предполагает, что видел, как они вошли в воду, но с достоверностью утверждать не решается. Зато он точно помнит, что неприметный субъект вернулся в кабинку и вышел оттуда в чрезвычайно скромном костюме. Так он его и сфотографировал. Вот снимок.

Он протянул фотографию Гарту, и тот высоко поднял брови. Широкоплечий человек с квадратной челюстью глядел куда-то, закинув голову. Жесткие поля соломенной шляпы отбрасывали тень, и трудно было понять, какого оттенка его светлые волосы. Но доктору не нужно было дожидаться усовершенствования цветной фотографии: он знал, что они тускло-рыжие. Человек в соломенной шляпе был Джозеф Солт.

- Значит, Финеас поехал в Маргейт, чтобы встретиться с братом... - сказал Гарт. - Что ж, не удивляюсь. Самое подходящее место для Джозефа Солта.

- Да, - кивнул Гантер. - Джозеф поехал туда в автобусе знаете, их специально нанимают на праздничные дни. Вечером он вернулся тем же автобусом. Но никто не знает, когда и как вернулся его брат.

- Судя по вашему тону, - сказал Гарт, - вы считаете, что брат его не вернулся.

- И не вернется, - сказал Гантер. - Даже тело вряд ли прибьет к берегу,

там проходит сильное течение.

- Как все усложняется... - проговорил врач.

- Боюсь, - сказал юрист, - что все упрощается.

- Упрощается? - переспросил Гарт.

- Да, - ответил Гантер и встал, крепко вцепившись в ручки кресла. -

История эта проста, как история Каина и Авеля.

Все молчали, пока Гейл, глядевший на кружку, не воскликнул как-то по-детски:

- Нет, какая кружка! - и прибавил: - Наверное, купил перед автобусом. Что ж еще и делать, когда только что убил брата?

- Странное преступление, - нахмурился доктор Гарт. - Как его совершили, объяснить не трудно - легко утопить человека во время купания, - но я не пойму, зачем было его совершать.

- Причина проста и стара, - ответил юрист. - В данном случае налицо все составные части ненависти - медленной, разъедающей ненависти, которую породила зависть. Два брата родились в одной и той же провинциальной семье, учились в одной и той же школе, общались с одними и теми же людьми. Они почти ровесники, они даже внешне похожи - оба крепкие, рыжие, не слишком красивые, только Финеас обыграл свою внешность, отпустил эту бунтарскую бороду, вообще оброс. Словом, в юности они мало отличались друг от друга и, наверное, ссорились не больше, чем все братья. Но потом сами видите! Один прославился на весь мир, увенчан лаврами, как Петрарка, женщины поклоняются ему, как киноактеру. Другой же... достаточно сказать, что он обречен провести всю жизнь в такой вот комнате.

- А что, вам не нравится комната? - заинтересовался Гейл. - Смотрите, какие приятные игрушки!

- Не совсем ясно, - продолжал Гантер, не обращая на него внимания, - как Джозеф заманил Финеаса в Маргейт и вынудил купаться. Конечно, поэт метался в те дни, не мог работать, и, кроме того, вряд ли он подозревал, что брат его ненавидит. Остальное просто: нетрудно держать жертву под водой и плыть туда, где течение отнесет тело в открытое море. Потом Джозеф вышел на пляж, оделся и сел в автобус.

- Не забудьте кружку! - мягко напомнил Гейл. - Он ее купил, а потом уж поехал домой. Вы прекрасно все разъяснили, дорогой Гантер. Но даже в самых лучших теориях есть слабое место. Есть оно и у вас. Вы пошли не в ту сторону.

- Что вы имеете в виду? - резко спросил юрист.

- Сейчас скажу, - покладисто ответил Гейл. - Вы считаете, что Джозеф

завидовал Финеасу. На самом деле Финеас завидовал Джозефу.

- Гейл, сейчас не до шуток, - нетерпеливо вставил Гарт. - Нам и так нелегко сидеть у человека в доме и знать, что он - убийца.

- Это просто ужасно!.. - сказал Гантер, утративший наконец напряженность, и взглянул наверх, весь сжавшись, словно боялся, что со скучного, простого потолка свисает веревка.

В эту секунду дверь отворилась и убийца вошел в комнату. Глаза у него сияли, как у ребенка, увидевшего елку, лицо пламенело до самых корней волос, широкие плечи были откинuty назад, а в петлице пылал цветок. Такие самые цветы Гейл видел недавно на клумбе и без труда догадался, чему так радуется Солт.

Однако, увидев сумрачные лица, тот стал немного спокойнее.

- Ну как, - непонятым тоном спросил он, - нашли что-нибудь?

По-видимому, юрист собрался задать ему вопрос, который был некогда задан Каину, но Гейл откинулся на спинку кресла и засмеялся.

- Я больше не ищу, - сказал он. - Стоит ли?

- Вы поняли, - откликнулся лавочник, - что не найдете Финеаса Солта.

- Я понял, - сказал поэт, - что нашел его.

Гарт вскочил.

- Да, - продолжал Гейл. - Я сейчас с ним говорю, - и он улыбнулся хозяину, словно их только что представили друг другу. - Не расскажете ли вы нам эту историю, мистер Солт?

Тот помолчал.

- Расскажите вы, - проговорил он наконец, - вы ведь знаете все.

- Я знаю все, - сказал Гейл, - только потому, что сам бы так сделал. Говорят, я понимаю сумасшедших, в том числе поэтов.

- Минутку! - прервал их Гантер. - Пока вы не скрылись в поэтических дебрях, скажите мне попросту: надо ли понимать, что владелец этой лавки - сам Финеас Солт? Где же тогда его брат?

- Путешествует, наверное, - ответил Гейл. - Уехал за границу поразвлечься. И развлекаться ему помогут две тысячи пятьсот фунтов, которые дал ему бывший поэт. Это все было легко: Джозеф доплыл вдоль берега до того места, где они спрятали другой костюм, а Финеас вернулся, побрился и переоделся в кабинке. Братья достаточно похожи, чтобы случайные попутчики ничего не заметили. А потом, как видите, он открыл лавочку в новом месте.

- Почему? - закричал Гарт. - Ради бога, объясните, зачем ему это? Не понимаю.

- Я объясню вам, - сказал Гейл, - но вы все равно не поймете.

Он поглядел на кружку и начал:

- Это нелепая история, и вы поймете ее лишь тогда, когда поймете нелепицу или, вежливо говоря, поэзию. Поэт Финеас Солт стал властелином всему, он помешался на свободе и всевластии. Он хотел все испытать, все вообразить, все перечувствовать. И узнал, как всякий, кто этого хотел, что беспредельная свобода сама по себе страшна, словно окружность, которая и символ вечности, и символ закрытого пространства. Но Солт стремился не только все испытать - он стремился всем и всеми стать. Для пантеиста Бог - это все, для христианина - Кто-то. Тот, кто хочет всего, ничего не хочет. Мистер Хэтт говорил мне, что Финеас подолгу глядел на лист бумаги. Причина не в том, что ему было не о чем писать, а в том, что он мог писать о чем угодно. Когда он смотрел с утеса на толпу, такую пошлую и такую сложную, он знал, что ему под силу написать десять тысяч историй, и не стал писать ни одной. У него не было оснований предпочесть какую-нибудь из них.

Что же делать дальше? Куда это ведет? Говорю вам, возможны лишь два выхода. Можно броситься вниз и стать никем. Можно спуститься вниз и стать кем-то. Воплотиться; начать сначала. Если человек не родится снова...

Финеас выбрал второй путь и понял, что прав. Он обрел то, чего много лет не видел, маленькие радости бедных: леденцы, лимонад, любовь к девушке, которая живет за углом, застенчивость, молодость. Только этого не знал человек, перевернувшийся вверх дном все семь небес. Он поставил последний опыт; и, смею предположить, опыт удался.

- Да, - твердо и радостно подтвердил Финеас Солт. - В высшей степени.

Мистер Гантер, юрист, встал и сказал в отчаянии:

- Хоть я и знаю все, я ничего не понимаю. Наверное, вы правы, но как вы догадались?

- Мне помогли леденцы в витрине, - ответил Гейл. - Я не мог на них наглядеться, они такие красивые. Дети правы, леденцы лучше драгоценного камня. Как хорошо есть изумруды и аметисты! Я глядел на леденцы и знал, что они о чем-то говорят. Они сверкали, как рубин, тут, в лавке. Снаружи, с улицы, они темные, тусклые. Чтобы привлечь покупателя, можно выставить много других сластей - скажем, позолоченные пряники. И тут я вспомнил о человеке, который рвался в собор, чтобы посмотреть изнутри, как свет проходит через витраж; и все понял. Витрину украшал не лавочник. Он думал не о тех, кто глядит с улицы, а о самом себе. Отсюда, из лавки, он видел рубиновый свет. А

мысль о соборе напомнила мне и о другом. Поэт говорил там о двойной жизни святого Фомы Кентерберийского, который познал земную славу и отрешился от нее. Святой Финеас Кройдонский тоже избрал двойную жизнь.

- Так... - тяжело переводя дух, вымолвил мистер Гантер. - Со всем почтением предположу, что он свихнулся.

- Нет, - сказал Гейл. - Многие мои друзья свихнулись, и я их понимаю. Но это - история о человеке, который вправил вывих.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)